

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Менделеева-Блок Любовь (1881–1939)

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю...
Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!..

Александр Блок. «Ангел-хранитель»

Любовь Дмитриевна Менделеева — Прекрасная Дама лучших лирических стихов Александра Блока... Многие были пережиты ими — обыкновенной женщиной и воспевшим ее Поэтом.

Наиболее откровенно об этом рассказал исследователь жизни и творчества А. Блока Владимир Орлов.

«Трудно через мглу стольких лет разглядеть облик девушки, вызвавшей небывалый в русской поэзии поток песнопений. Если судить по фотографиям, красивой ее не назовешь — лицо грубоватое, немного скуластое, не очень выразительное, небольшие сонные глаза. Но она была полна юного обаяния и свежести — румяная, золотоволосая, темнобровая. Как заверил сам Блок, она сразу произвела на него «сильное впечатление». Он нашел в Любе нечто от мадонны Сассо-Феррато, разыскал репродукцию, и она потом всю жизнь висела у него над постелью. Первое стихотворение — первое в том бесконечном лирическом потоке, который вырвался после встречи с Л. Д. М.:

Я прошел под окно и, любовью горя,
Я безумные речи шептал...
Утро двигалось тихо, вставала заря,
Ветерок но деревьям порхал...

Ни призыва, ни звука, ни шепота слов
Не слышал я в ночной тишине,
Но в тенистом окошке звучала любовь...
Или, может быть, грезилось мне?..

Ни призыва, ни звука... Люба была так застенчива, так неприступна, что ни о каком «знаке» с ее стороны и речи быть не могло. Блок был вне себя от ее строгости и холодности».

Близкий друг А. Блока Евгений Книпович приводит в своих воспоминаниях забавный эпизод. В годы ее учебы в гимназии Э. Шаффе там бытовало предание, как «лет десять или двенадцать тому назад ученица Любовь Менделеева во время урока пустила в стену класса чернильницей. Когда еще лет шесть спустя я спросила Любовь Дмитриевну Блок, имел ли место такой лютеровский демарш и что его вызвало, она подтвердила, что она действительно это сделала, «потому что уж очень было скучно». Думаю, что и в этом малом происшествии отразился характер любимой дочери Менделеева и жены Александра Блока».

Семьи Блоков и Менделеевых издавна поддерживали дружеские отношения. Маленькие Саша и Любочка, сопровождаемые нянями, часто встречались на прогулках. Первая «сознательная» встреча произошла в Боблове, когда Александру было четырнадцать, а Любе — тринадцать лет. Потом они встретились спустя три года. Оказалось, их связывают общая увлеченность театром, мечты о сцене. В то лето «в Боблове, — вспоминала тетушка поэта М.А. Бекетова, — решено было поставить ряд спектаклей для окрестных крестьян и многочисленных родственников. Намечены были отрывки из классических пьес и водевилей... Высокий рост, лебединая повадка, роскошь

золотых волос, женственная прелесть — такие качества подошли бы к любой “героине”. А нежный, воркующий голос в роли Офелии звучал особенно трогательно».

Прелюдия их любви разыгрывалась в шекспировских декорациях. Блока влекло к актрисам, а Любочка как раз мечтала стать одной из них, но обязательно великой. В начале 1900 — уже в Петербурге — их случайная встреча в театре. «Мистика начинается... Она продолжает медленно принимать неземные черты. На мое восприятие влияет и филология, и болезнь, и мимолетные страсти... с покаяниями после них». Таким из 1918 года виделось Блоку зарождение его великого чувства. Порой, «не замеченный Ею, следовал позади», порой неприступно-суровая Любовь Дмитриевна проявляла «род внимания» к нему и позволяла проводить себя на «легальном» основании. Позже они наняли меблированную комнату для встреч: заходили туда, чтобы... оставить друг для друга письма. Обратимся снова к исследованию В. Орлова.

«...Из неотосланного письма Блока к Л. Д. М. видно, как безоглядно он влюбился, а из ее рассказа с очевидностью следует, что в их затянувшихся отношениях она готова была откликнуться на его инициативу. И все же она решила порвать с Блоком — именно потому, что он медлил с объяснением, которого она ждала. Она написала письмо и носила его с собой, чтобы передать при первой же встрече. Но — не отважилась».

А письмо (весьма замечательное) сохранилось. В нем были такие слова: «Я не могу больше оставаться с Вами в тех же дружеских отношениях... Мне вдруг, совершенно неожиданно и безо всякого повода ни с Вашей, ни с моей стороны, стало ясно — до чего Вы меня не понимаете. Ведь Вы смотрите на меня, как на какую-то отвлеченную идею; Вы навоображали про меня всяких хороших вещей и за этой фантастической фикцией, которая жила только в Вашем воображении. Вы меня, живого человека с живой душой, и не заметили, проглядели... Вы, кажется, даже любили — свою фантазию, свой философский идеал, а я все ждала, когда поймете, чего мне нужно, чем я готова отвечать Вам от всей души... Я живой человек и хочу им быть, хотя бы со всеми недостатками; когда же на меня смотрят, как на какую-то отвлеченность, хотя бы и идеальнейшую, мне это невыносимо, оскорбительно, чуждо. Да, я вижу теперь, насколько мы с Вами чужды друг другу, вижу, что я Вам никогда не прощу то, что Вы со мной делали все это время, — ведь Вы от жизни тянули меня на какие-то высоты, где мне холодно, страшно и... скучно».

«Такое письмо и должна была написать дочь Менделеева, — продолжает В. Орлов. — Любовь Дмитриевна была человеком душевно здоровым, трезвым и уравновешенным. Она навсегда осталась чужда, более того — враждебна всякой невнятице. По всему складу характера она была прямой противоположностью мятущемуся Блоку.

Письма Блока к Л. Д. М. за 2–3 года (их свыше ста) — это не просто письма, в обычном понимании этого слова, а сплошной поток лирики, «роман в письмах» со своим сюжетом. «Моя жизнь вся без изъятий принадлежит Тебе с начала и до конца... Если мне когда-нибудь удастся что-нибудь совершить и на чем-нибудь запечатлеться, оставить мимолетный след кометы, все будет Твое, от Тебя и к Тебе». Она отвечала: «Я живу и жила лишь для того, чтобы давать тебе счастье, и в этом единственное блаженство, назначение моей жизни».

И вот наконец-то — свершилось! 2 января 1903 Блок сделал предложение — и оно было милостиво принято. Летом этого же года дочь тайного советника Менделеева обвенчалась со студентом Блоком в церкви села Тараканова Клинского уезда. И — практически сразу начались сложности семейной жизни.

«Божественного» в Любви Дмитриевне, — пишет в своих воспоминаниях Е. Книпович, — я никогда не ощущала. Но человеческий ее масштаб, масштаб личности — был огромен. И особой ее чертой была та детскость, которую неустанно отмечал в дневниках, письмах, разговорах ее муж... Блок много рисовал — все непритязательные, юмористические рисунки. И Любовь Дмитриевна — «маленькая Бу» (ее он рисовал больше всего) — всегда изображена на них как девочка в детском платьице, с детской

важностью, но «и с суровой настороженностью вступающая в “мир взрослых”. ...Какой-то “игрой в песочек” было ее коллекционирование старинных кружев и фарфоровых черепков («Би-и-тое, рва-аное», – нараспев комментировал ее находки Блок)... Была ли Любовь Дмитриевна умна? Несомненно».

«Когда под знаком Гамлета и Офелии начался роман Блока и Любы Менделеевой, – пишет В. Орлов, – когда на нее нахлынул поток его не знавшей ни меры, ни предела любви, когда перед нею приоткрылся таинственный и влекущий мир высоких идей Блока, она, будучи по природе человеком благоразумным и волевым, потеряла голову и волю. Потом, на закате своей исковерканной жизни, она горько жалела, что “напрасно смирила и умалила свою мысль перед миром идей Блока, перед его методами и его подходом к жизни”».

Сожаления, конечно, несостоятельные, потому что, не повстречав на своем пути Блока, она, вероятнее всего, прошла бы по обочине жизни, оставшись просто чьей-то незаметной спутницей или маленькой актрисой. Но и то правда, что ей выпала трудная доля.

Люба Менделеева многого ждала от брака, и ожидания ее были просты и понятны. “Теперь еще тверже знаю, что будет счастье, бесконечное, на всю жизнь”, – уверенно пишет она Блоку накануне свадьбы. И как же обманулась она в своих надеждах и ожиданиях!

“Нет ничего обыкновенного и не может быть” – так определял Блок природу своего чувства. Люба же хотела и ждала как раз самого обыкновенного и пыталась повернуть все проще. Но сделать это ей не удалось».

Блок по-прежнему считал ее символом «Великой Женственности». Из воспоминаний Любви Дмитриевны выясняется, что брак ее с самого начала оказался, говоря попросту, условным: со стороны Блока еще до их свадьбы была лишь «короткая вспышка чувственного увлечения», которая «скоро, в первые же два месяца, погасла, не успев вырвать меня из моего девического неведения». Приводя эту цитату, биографы обычно из ложной стыдливости или по какой-то иной причине опускают последние слова. А они-то как раз значат больше, чем все предыдущие: «не успев вырвать меня из моего девического неведения». Означать эти слова могут только одно: Любовь Дмитриевна и в замужестве (по крайней мере, очень долгое время) оставалась девицей...

Блок объяснял жене, что физическая близость между ними вовсе не нужна, что он будет все равно уходить к другим, хотя сии командировки из семьи не должны поколебать узаконенной гармонии. «А я?» — «И ты также», — отвечивал он с наивным прямотушием.

«Это приводило меня в отчаяние! – рассказывала Любовь Дмитриевна. – Отвергнута, не будучи еще женой... Я рыдала в эти вечера с таким бурным отчаянием...»

«А ведь он так хотел “деятельной любви”! – продолжает В. Орлов. – Деятельная любовь не реализовалась, ее загубили метафизика и декадентский нигилизм. Под обломками сотворенного мифа оказались погребенными две человеческие жизни.

Как видим, вина Блока была велика. Но неизмеримо больше была цена, которую заплатил он за свою ошибку». «Сашура — злой, грубый, непримиримый, тяжелый; его дурные черты вырастают, а хорошие глоснут, – писала в дневнике М.А. Бекетова о своем любимом племяннике, — он — удивительный поэт, но злоба, деспотизм, жестокость его ужасны... за год жизни с Любой произошла страшная перемена к худшему. Она не делает его ни счастливее, ни лучше. Наоборот... Она — недобрая, самолюбивая, она — необузданная... Давно ли у него были добрые порывы? А теперь? Что же будет?»

В январе 1904 Блок с молодой женой приехал в Москву, где и произошло их знакомство с Андреем Белым. Вначале и он был охвачен мистико-платоническим чувством поклонения Прекрасной Даме блоковских стихов, но постепенно самым «вульгарным» образом влюбился в жену друга, открылся ей в своих чувствах, а Люба посвятила в происшедшее... мужа и его мать.

«...Неизгладимая печать “странности” лежала и на личности Андрея Белого, и на всем, чем он жил и что делал, – пишет В. Орлов. – Он не только не умел, но и не хотел научиться жить. Зато с изощренным искусством умел осложнять не только свою жизнь, но и тех, с кем находился в соприкосновении.

Любовь Дмитриевну, конечно, тешило сознание того, что в ее власти “спасти” или “погубить” бурно влюбившегося поэта, которого все вокруг считали личностью выдающейся. Ее просто полюбили — не как Прекрасную Даму, а как молодую, привлекательную женщину. Белым же целиком завладело желание увести ее от Блока».

Впрочем, и Андрей Белый (Борис Бугаев) умел морочить головы окружающим своими выспренными фантазиями. Например, еще в январе 1904 года он познакомился с девятнадцатилетней девушкой, пробовавшей свои силы на литературном поприще. Белый, желавший видеть в отношениях с Ниной Петровской (так ее звали) прообраз «небесной», «мистериальной» любви, был крайне разочарован их превращением в обычный «роман». А уже в конце марта сбежал от нее в Нижний Новгород к своему другу.

«Все толкуют о прелестях “вечного” Бори. Ох уж мне эти прелести! В значительной мере они дутые... Боря написал Любе письмо... Он в ужасе от крови и “алого гроба”, умоляет Любу спасти Россию и его, словом, вздор и бред. Она написала... чтобы он помнил, что она всегда с Сашурой... Боря совершенно прав, признавая свою влюбленность несовместимой с чистым религиозным культом. Я-то всегда чувствовала и знала, что все эти пышные речи и мысли основаны только на Любином женском обаянии. Обаяние это исключительно, Боря поэт и не совсем нормален. Ну? это и приняло такие чудовищные размеры» (Из дневника М.А. Бекетовой, октябрь 1905).

«Брошена на произвол всякого, кто стал бы за мной упорно ухаживать», – так рисовала Любовь Дмитриевна положение, в котором оказалась она в начале 1906, – продолжает В. Орлов. — Белому удалось вскружить ей голову. И она словно заново расцвела, дышала молодостью и свежестью. Крупная, статная, белокожая и румяная, в тициановском золоте тяжелых волос, гладко уложенных на уши, с плавными, неторопливыми движениями, она могла показаться кому русской красавицей, кому — великаншей из скандинавских саг.

Вспоминая на склоне лет, как все было, она писала: “Я стремилась устроить жизнь, как мне нужно, как удобней...” Вся Любовь Дмитриевна в этом запоздалом признании: она всегда стремилась жить “как удобней” и не пощадила ради этого ни Белого, ни Блока».

«Любовь Дмитриевна мне объясняет, что Александр Александрович ей не муж; они не живут как муж и жена; она его любит братски, а меня — подлинно; всеми этими объяснениями она внушает мне мысль, что я должен развести ее с Александром Александровичем и на ней жениться» (из воспоминаний А. Белого).

«Парадоксальность поведения Белого состоит в том, что, вмешавшись в семейную жизнь Блока, пытаясь отнять у него жену и не преуспевая в этом, он искал сочувствия у того же Блока и обвинял его в душевной черствости, бесчеловечности», – удивляется В. Орлов.

«...Боря вызвал Сашу на дуэль. Посылал секунданта в Шахматово. О, глупый! Конечно, дуэли не было, секунданта Кобылинского сначала Люба отчитала, потом с ним оба страшно подружились, и Боря прислал покаянное письмо... Борю Саша мягко и великодушно защищает, а Аля [мать А. Блока] бранит дрянью, тряпкой, лгуном и пр.» (Из дневника М.А. Бекетовой, август 1906).

Пережив бурные взлеты и катастрофические крушения, Любовь Дмитриевна объясняла дело таким образом: «...Оставшись верной настоящей и трудной моей любви, я потом легко отдавала дань всем встречавшимся влюбленностям — это был уже не вопрос, курс был взят определенный, парус направлен, и “дрейф” в сторону несущественен».

Объяснение удобное, но не убедительное, ибо «дрейфы» Любви Дмитриевны были столь часты и так далеко уводили ее в сторону, что ни о каком «определенном курсе» говорить не приходится. Но и Блок в чаду своего увлечения актрисой Волоховой бескомпромиссен, даже жесток... На предложение Любви Дмитриевны поехать за границу, например, говорит: «С тобой не интересно».

В июне 1913 за границу они все-таки поехали. Только Александру Александровичу, по его собственному признанию, было «скучно», «тоскливо» и «неинтересно» в Лувре, Версале (последний «показался даже еще более уродливым, чем Царское Село») и далее, как говорится, везде...

Жадно хлебнув обретенной свободы, Любовь Дмитриевна решила утвердиться в театре. Догадываясь в глубине души, что талантом ее Бог не наградил, захотела взять упорством и работой. Пошла кочевая, суетная, безалаберная актерская жизнь. Блок привыкал к одиночеству. Пил он все больше... От жены приходили письма: «Люблю тебя одного в целом мире. Часто падаю на кровать и горько плачу: что я с собой сделала?»

Домой Любовь Дмитриевна возвращалась всегда. Однажды это оказалось связано с тем, что она ждала ребенка. Затаилась, ушла в покорность судьбе, горько оплакивая «гибель своей красоты». (Ей, видимо благодаря поклонению Блока, было свойственно сильно преувеличенное представление о своей наружности.) Александр Александрович, если верить ей, «очень пил в эту зиму и совершенно не считался с ее состоянием». А он между тем возлагал на чужого ребенка какие-то свои затаенные надежды. Ему казалось, что вот сейчас-то жизнь может пойти по-другому. Люди запомнили его в эти дни «простым, человечным, с небывало светлым лицом».

Мальчик, названный Дмитрием — в память Менделеева, прожил всего восемь дней. Блок в письмах называл его: «наш сын». Он сам похоронил младенца (потом каждый год навещал могилу). Оба они после смерти ребенка были опустошены, раздавлены.

После охватившей ее в 1908 лихорадки и наступившего затем кризиса Любовь Дмитриевна притихла, ушла в себя и какое-то время пыталась восстановить семейную жизнь. Но хватило ее не надолго. Она опять увлеклась сценой, и снова театр увел ее от Блока. Располагая после смерти отца известными средствами, она главным образом и финансировала постановки Мейерхольда. Началась ее связь с Константином Кузьминым-Караваевым, молодым (на девять лет моложе!) студентом, начинающим актером и режиссером (в Первую мировую войну — офицером). У Блока («...у меня совесть не чиста от разврата») — роман с «Кармен» (Л. Дельмас), «вино, проститутки, цыганщина...»

По воспоминаниям Анны Ахматовой, которые приводит в своих записках Л. Чуковская, Любовь Дмитриевна «не только не была красива, она была ужасна! Я познакомилась с ней, когда ей исполнилось тридцать лет. Самое главное в этой женщине была спина — широченная, сутулая. И бас. И толстые, большие ноги и руки. Внутренне же она была неприятная, недоброжелательная, точно сломанная чем-то... Но он [А. Блок] всегда, всю жизнь видел в ней ту девушку, в которую когда-то влюбился... И любил ее... Впрочем, в Дневнике, говорят, есть страшные о ней строки... мне говорили люди, читавшие рукопись...» По мнению Анны Андреевны, страшная у них была жизнь: «настоящий балаган, другого слова не подберешь. У него — роман за романом. Она то и дело складывает чемоданы и отправляет куда-нибудь с очередным молодым человеком. Он сидит один в квартире, злится, тоскует. Пишет в дневнике: «Люба! Люба!» Она возвращается — он счастлив, — но у него в это время роман с Дельмас. И так все время. Почему бы не разойтись? Быть может, у нее было бы обыкновенное женское счастье...»

«Милая сказала мне к вечеру, — записывает Блок 22 января 1913 в дневнике, — если ты меня покинешь, погибну там (с этим человеком, в этой среде). Если откажешься от меня, жизнь моя будет разбитая. Фаза моей любви к тебе — требовательная. Помоги мне и этому человек [Кузьмину-Караваеву]. Любопытна и запись, сделанная накануне:

«...Она опять уедет. Уронила, не хочу ли жить на будущий год “втроем”. Верно, придется одному быт! 10 лет свадьбы будет в августе».

Они решили остаться «товарищами», но из этого мало что получалось. В 1914 Любовь Дмитриевна поступил на курсы сестер милосердия, выучилась и получила назначение в лазарет. Она провела на войне девять месяцев — преимущественно во Львове, работала старательно. Блок гордился своей Любой, тревожился за нее, слал ей гостинцы, газеты, книги, напечатал в журнале (анонимно) отрывки из ее писем, содержательных и живых...

После революции, когда прислуги в доме Блоков уже не было, хозяйничать взялась Любовь Дмитриевна — неумело и нервно. Спокойно никак не получалось, т. к. ей, по воспоминаниям М.А. Бекетовой, «приходилось утром ходить на базар и получать пайки, к 12 часам поспевать на репетицию и, вернувшись к четырем часам, сломя голову готовить обед. После обеда спешить на спектакль и поздно возвращаться домой уже без трамвая». Издерганная, замотанная бытом, Любовь Дмитриевна бурно ссорилась с матерью Блока, Александрой Андреевной, посылала ее торговать на толкучке. Отношения становились невыносимыми, вновь и вновь возникал разговор, что «надо разъезжаться»

... Мать, и жена, и я — мы в склепе,
Мертвы. — А жизнь вверху идет...
Все непонятней, все нелепей.
И день последний настает...

«В феврале месяце [1921] Люб. Дм. взяла прислугу, так что ей не приходилось уже так часто уходить из дому, но пока не было прислуги, Ал. Ал. пришлось, между прочим, носить дрова из подвала. Это продолжалось всего два-три месяца, так как, пока не запретил доктор, Люб. Дм. делала это сама...» (М.А. Бекетова).

По свидетельству Корнея Чуковского, Блок заболел психическим расстройством только в марте 1921, «но начал умирать раньше, еще в 1918 году... сразу после написания “Двенадцати” и “Скифов”». По крайней мере, написав “Двенадцать”, поэт по существу навсегда замолк...

Характерна запись в дневнике Зинаиды Гиппиус: «Блок, говорят (лично я с ним не общаюсь), даже болен от страха, что к нему в кабинет вселят красноармейцев. Жаль, если не вселят. Ему бы следовало их целых “12”. Ведь это же, по его поэме, 12 апостолов, и впереди них “в венке из роз идет Христос”!»

...Любовь Дмитриевна пережила мужа на восемнадцать лет. Она изучала искусство балета, писала статьи и книги о хореографии. Располневшая, с тяжелой болезнью сердца, она уже совсем не походила на ту Прекрасную Даму, которой поэт посвящал свои стихотворения. В 1939 году, по одной версии, к ней пришли литературоведы — по договоренности с нею забрать бумаги Блока: письма, дневники. По другой — зашла проведать актриса Веригина. Любовь Дмитриевна отворила дверь — и через минуту упала замертво...